

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212289-299>

Исследовательская статья

Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна
к.и.н., доцент
Ингушский государственный университет, Магас, Россия
dugurhan@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЯХ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1924–1929 гг.)

Аннотация. Тенденции развития местных Советов в сложносоставном и полиэтничном обществе автономий Северо-Кавказского края в 1924–1929 гг. актуальны в аспекте взаимодействий власти и населения, кадрового укрепления государственного аппарата. Становление и укрепление местных Советов в автономиях Северного Кавказа является важным, но малоизученным аспектом истории региона в контексте новой экономической политики. Поэтому статья посвящена выяснению тенденций развития местных Советов в автономных областях Северо-Кавказского края в 1924–1929 гг. Методологическая база исследования – принципы системности и историзма, диахронный и синхронный сравнительный анализ. В результате исследования установлено, что переход от назначаемых революционных комитетов к выборным Советам совершался в автономиях Северного Кавказа постепенно, с 1921 по 1924 гг. (быстрее в Северной Осетии и Адыгее, медленнее – в Чечне). Установлена организационная и кадровая слабость аульных и районных Советов к середине 1920-х гг. Председателями и секретарями сельсоветов часто становились нежелательные для Коммунистической партии лица – чиновники царского времени, священнослужители, нелояльная интеллигенция. Делопроизводство на русском языке было малопонятным для населения. Сельские сходы подменяли собой аульные советы, зачастую принимали решения по воле зажиточных слоёв. На уровне местного управления существовала практика «двоевластия». Политика «оживления Советов» (1924–1929 гг.) в автономиях Северного Кавказа имела своеобразные задачи: организационное и финансовое укрепление Советов; перевод делопроизводства на региональные языки и ликвидацию неграмотности депутатов; обеспечение политически лояльного ядра сотрудников Советов из числа батраков и бедняков, рабочих; устранение политического влияния сельских сходов и зажиточных слоёв общества. Переход от НЭПа к коллективизации качественно изменил функции местных Советов, сделав первоочередной задачу руководства модернизацией хозяйства.

Ключевые слова: укрепление; структура; кадры; местные Советы; автономные области; Северо-Кавказский край; тенденции развития; 1924–1929 гг.

Для цитирования: Кокорхоева Д.С. Тенденции развития местных советов в автономных областях Северо-Кавказского края в условиях новой экономической политики (1924–1929 гг.) // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 2. С. 289-299. doi.org/10.32653/CH212289-299

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212289-299>

Research paper

Dugurhan S. Kokorkhoeva,
Cand. Sci., Associate Prof.
Ingush State University, Magas, Russia
dugurhan@mail.ru

DEVELOPMENT TRENDS OF LOCAL COUNCILS IN THE AUTONOMOUS REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS TERRITORY DURING THE NEW ECONOMIC POLICY (1924–1929)

Abstract. This article examines the development trends of local councils within the complex and multi-ethnic autonomous societies of the North Caucasus Territory between 1924 and 1929. This period is particularly relevant for understanding the interactions between state authority and the populace, as well as the strengthening of the state apparatus. While crucial, the formation and consolidation of local councils in the North Caucasus autonomies during the New Economic Policy (NEP) era remain underexplored. Therefore, this study clarifies these development trends. Methodologically, the research employs principles of systemicity and historicism, alongside diachronic and synchronous comparative analysis. Findings indicate that the transition from appointed revolutionary committees to elected councils in the North Caucasus autonomies occurred gradually, spanning from 1921 to 1924, with faster implementation in North Ossetia and Adygea compared to Chechnya. By the mid-1920s, aul and district councils suffered from organizational and personnel weaknesses. Specifically, chairpersons and secretaries of village councils often comprised individuals deemed undesirable by the Communist Party, including former tsarist officials, clergy, and disloyal intelligentsia. Furthermore, record-keeping in Russian presented a barrier to understanding for the local population. Rural gatherings frequently supplanted aul unions, with decisions often influenced by wealthy segments of society, leading to a de facto “dual power” dynamic at the local administrative level. The “revival of the Soviets” policy (1924–1929) in the North Caucasus autonomies aimed to address these issues by focusing on the organizational and financial strengthening of councils, translating documents into regional languages, eradicating illiteracy among deputies, and ensuring a politically loyal core of council employees drawn from farm laborers and impoverished workers. This policy also sought to eliminate the political influence of rural gatherings and affluent social strata. Ultimately, the transition from the NEP to collectivization fundamentally altered the functions of local councils, prioritizing the management of economic modernization.

Keywords: strengthening; structure; personnel; local Soviet councils; autonomous regions; North Caucasus Territory; development trends; 1924–1929

For citation: D.S. Kokorkhoeva. Development trends of local councils in the autonomous regions of the North Caucasus territory during the new economic policy (1924–1929). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 2. P. 289–299. doi.org/10.32653/CH212289-299

Введение

Научная проблема функционирования местных органов власти в сложносоставном полиэтничном обществе, которым были автономии Северного Кавказа, актуальна в ракурсе взаимодействия власти и населения, кадрового укрепления государственного аппарата. Становление и укрепление местных Советов в автономных областях Северного Кавказа в период НЭПа – значимый, но слабо изученный аспект истории региона. Тема актуальна и для понимания исторических факторов современных процессов на Северном Кавказе.

Степень научной разработанности проблемы такова. Деятельность Советов в автономных областях Северного Кавказа 1920-х гг. анализируется в обобщающих работах по истории советского государственного строительства Е.Г. Гимпельсона [1] и Ю.Ю. Карпова [2]. Х.Б. Мамсиров и Н.С. Лаврова [3], Е.В. Туфанов [4], А.В. Аверьянов и А.Е. Батыров [5] уделяют внимание формированию автономий, изменениям их статуса и территориального деления, «коренизации» состава госслужащих. Внимание к теме возросло в рамках празднования 100-летнего юбилея образования СССР и автономий Северного Кавказа, как отмечают Е.Ф. Кринко [6] и Е.Н. Бадмаева [7]. На примерах отдельных автономий выполнены работы Т.У. Эльбуздукаевой и М.Х. Мадаева о Советах Чечни [8], Л.Я. Арапхановой об органах власти Ингушетии [9], Н.Ф. Бугая и М.И. Мамаева – о политическом развитии Кабардино-Балкарии [10], Э.М. Агаджаняна о Карачаево-Черкесии¹, Ю.А. Яхутль, В.В. Касьянова и А.И. Брантова об Адыгее [11]. В сравнительном аспекте важно исследование советской национальной политики в Дагестанской АССР, выполненное Д.Ш. Рамазановой². Среди зарубежных исследований последних лет отметим концептуальную монографию Т.Д. Мартина о политике коренизации в СССР [12], статью Дж.М. Истера о системе личных связей в советском государственном аппарате [13]. Зарубежные историки (А. Маршалл [14], И. Перович [15], Дж. Смит [16]) отмечают двойную зависимость местных Советов на Северном Кавказе – от всероссийской структуры власти и от патриархально-клановых структур общества. Но историки уделяют мало внимания организационному и кадровому состоянию Советов в 1920-х гг.

Цель статьи – выявить тенденции развития местных Советов в автономных областях Северо-Кавказского края за 1924–1929 гг. Предполагается определить, какими мерами обеспечивалось организационное и кадровое укрепление местных Советов. Хронологические рамки исследования определяются тем, что вплоть до осени 1924 г. в автономиях Северного Кавказа продолжались мятежи и антиправительственные выступления, сохранялись зачастую назначенные органы власти – революционные комитеты. Поэтому укрепление статуса и кадрового состава местных Советов в основном совершалось в 1924–1929 гг.

Географические рамки работы включают в себя автономные области, входившие в 1924–1929 гг. в состав Северо-Кавказского края: Чеченскую, Ингушскую, Северо-Осетинскую, Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую и Адыгее-Черкесскую. Их совокупное население составляло по переписи 1926 г. 956,5 тыс. чел. Абсолютно преобладало сельское население: от 93,7% в Кабардино-Балкарской АО до 100% в Карачае и Черкесии, что объясняет акцент на изучении аульных Советов³.

Методологическую базу исследования составляют принципы системности и историзма, а также диахронный и синхронный сравнительный анализ, позволяющие определить взаимодействие формальных и неформальных институтов общества, практик деятельности участников политики.

Источниковая база статьи представлена директивными и отчетными документами (резолуциями, докладами, аналитическими справками, письмами) Северо-Кавказского краевого комитета и областных комитетов РКП(б)–ВКП(б), крайисполкома Советов и областных исполкомов, записками и информационными сводками ОГПУ, а также статистическими данными об итогах выборов Советов, статьями публицистов (К. Иванова и И. Ковалёва, Д. Нагиева, П. Белячкова) в краевых журналах «Северо-Кавказский край» и «Революция и горец» [18; 19; 20]. В них содержится ценная

1. Агаджанян Э.М. Становление и развитие органов исполнительной власти и управления Карачаево-Черкесии (1920–1941 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2013. 27 с.

2. Рамазанова Д.Ш. Дагестан в составе России: административно-политический статус территории и актуальные проблемы национальной политики (1921–2017 годы). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2020. 55 с.

3. Подсчитано нами по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. М., 1928. Т. 9. [17, с. 34–51].

информация об основных направлениях деятельности Советов, их взаимодействии со сходами граждан и различными слоями населения, социальном и национальном составе депутатов и аппарата органов власти. Документы Северо-Кавказского краевого комитета и областных комитетов РКП(б)–ВКП(б) отложились в фонде 7 Центра документации новейшей истории Ростовской области, а директивы Северо-Кавказского крайисполкома Советов и отчёты областных исполкомов – в фонде Р-1485 Государственного архива Ростовской области. Представляют большой интерес протокол заседания I съезда Советов Чеченской автономной области (1924 г.) и докладная записка председателя краевой комиссии Д. Нагиева в президиум крайисполкома Советов (август 1928 г.), хранящиеся в фонде Р-1235 Государственного архива Российской Федерации и опубликованные в сборнике документов [21, с. 514, 543–561]. В них характеризуются социальный и национальный состав аульных Советов Чечни, влияние духовенства и зажиточных слоёв на местные органы власти, процедуры выборов. Аналогичная информация приводится в опубликованных ежегодных докладах Адыгее-Черкесского облисполкома Советов и обкома ВКП(б) [11, с. 75–77, 84–93, 124–133].

Состояние местных Советов к началу реформы 1924 г.

Установление Советской власти в 1920 г. происходило в автономных областях Северного Кавказа в особо трудных условиях хозяйственной разрухи и социально-экономической отсталости региона. Массовые антибольшевистские выступления продолжались до 1925 г., особенно – в Чечне и Дагестане. Управление чаще всего поручалось назначаемым революционным комитетам. Переход к выборным Советам раньше всего состоялся в равнинных Адыгейской (Черкесской) и Северо-Осетинской автономных областях (АО). К осени 1924 г. завершилась территориальная реформа, создавшая вышеупомянутые автономные области в составе Северо-Кавказского края. Границы между автономными областями и округами края в основном соблюдали этнический принцип, что подтверждается итогами переписи населения 1926 г. В Чеченской АО чеченцы составляли 94,0% населения, ингуши в Ингушской АО – 93,1%, осетины в Северо-Осетинской АО – 84,2%, карачаевцы в Карачаевской АО – 81,3%, в Кабардино-Балкарской АО кабардинцы – 60% и балкарцы – 16,3%, в Черкесской АО кабардинцы – 33,3% и абазины – 29,7%, в Адыгее-Черкесской АО черкесы – 44,8% [17, с. 34–51]. Для учёта интересов этнических меньшинств в составе автономных областей были созданы национальные районы: Петропавловский в Чеченской АО, Притеречный в Северо-Осетинской АО и Казачий в Кабардино-Балкарской АО. Также были созданы национальные сельсоветы, что дало возможность смягчить земельные конфликты.

Но сеть органов власти была ещё непрочной на местном уровне – в аулах и районах; председатели и секретари аульных ревкомов и Советов часто подбирались из чиновников и офицеров царского времени, священнослужителей, зажиточных лиц. Серьёзной была проблема неграмотности работников местных Советов, в т. ч. – незнание русского языка.

Так, Чеченский областной революционный комитет признавал, что ко времени создания автономной области – 30 ноября 1922 г. её «состояние можно назвать анархическим: не только в горных районах, но и в плоскостной части не существовало власти, а аппараты последней не имели абсолютно никакого авторитета в населении». Власть контролировала только близлежащие к г. Грозному аулы. Аппарат областного ревкома был организован плохо⁴. Например, точные списки избирателей составили только к 1926 г. Собрания аульных Советов зачастую подменялись общими сходами граждан и проходили после молитв в мечетях; значительным оставалось влияние духовенства и зажиточных слоёв.

Впрочем, председатель Чеченского областного ревкома Т.Э. Эльдарханов отмечал в ноябре 1924 г. изживание бандитизма и налаживание регулярной работы аппарата управления. Областная милиция в феврале 1923 г. была почти полностью набрана из новых лиц. Начато разрешение земельных споров⁵. Изменения отмечались в составе делегатов I Чеченского областного съезда Советов (1924 г.). Из 373 делегатов 35 были коммунистами, 20 – комсомольцами; грамотными –

4. Отчёт Революционного комитета Чеченской автономной области на областном съезде Советов. До 14 ноября 1924 г. // Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 246. Л. 549.

5. Там же. Л. 550 об–556.

133 чел. Впервые не допущены в число депутатов муллы, хаджи и старейшины⁶. Областной съезд Советов поставил задачи организовать советско-партийную школу и подготовить «надежный кадр» работников, организовать краткосрочные курсы подготовки секретарей и делопроизводителей местных Советов в связи с переводом делопроизводства на чеченский язык⁷, начатым на основании решения Президиума ВЦИК о переводе делопроизводства органов государственной власти в «национальных областях и республиках» на местные языки [11, с. 103–104].

Проведение курса «Оживление Советов» в автономиях Северо-Кавказского края

Новая экономическая политика как стратегия длительного и постепенного строительства социализма рыночными методами, в том числе, требовала установления гражданского мира, обеспечения активного участия трудящихся в управлении. Советы являлись основным институтом государственной власти в рамках политической системы страны. Курс «Оживление Советов», начатый осенью 1924 г., стал частью масштабных реформ в целях установления гражданского мира, сотрудничества между властью и крестьянством. Выборы местных Советов стали проводиться с 1925 г. при соперничестве кандидатур, сокращён удельный вес лиц, лишённых избирательных прав. В Советах вводится обсуждение местных вопросов на заседаниях и отчётность председателей перед населением, создаются ревизионные комиссии. Стали работать земельные секции аульных Советов. Оправдал себя длительный – 20 дней – срок от публикации списков лишённых прав до дня выборов, что позволило крестьянам сделать осознанный выбор, а избирательным комиссиям – работать более профессионально [11, с. 129–130].

Избирательная кампания в январе – феврале 1926 г. прошла для большевиков позитивно. Среди членов аульных Советов в автономиях Северо-Кавказского края рабочие составили 0,8%, беднейшие крестьяне – 53,5%, середняки – 42,1%, зажиточные – 4,4%. Коммунисты составили 3,9% членов местных Советов, а комсомольцы – 9,2%⁸. Как отмечалось в отчёте Адыгее-Черкесского обкома ВКП(б), «перевыборная кампания Советов обнаружила возросший авторитет и влияние партийной организации среди крестьянских масс, о чём свидетельствует увеличившаяся прослойка в Советах и ревкомиссиях коммунистов и выдвижения кандидатур партийцев самими крестьянами» [11, с. 132–133].

Но участники краевого совещания заворгов областных и окружных комитетов ВКП(б) 6 января 1926 г. признали, что местные Советы часто подменяются председателями и секретарями, аульными сходами, а поэтому ещё не стали подлинными органами власти⁹. Местные выборы 1926 г. отмечены ростом активности зажиточных слоёв¹⁰. Информационный отчёт Чеченского облисполкома Советов за октябрь 1925 г. – март 1926 гг. подтверждает слабую партийную и комсомольскую прослойку в госаппарате. Среди 725 сотрудников облисполкома членами и кандидатами в члены ВКП(б) были 8,1%, комсомольцами – 6,7%. Этнический состав сотрудников госаппарата был непропорционален. Чеченцы составляли только 60,7% окружного и 53,4% областного звена управленцев, а во всём населении автономной области – 94,0%¹¹. Состав облисполкома стал более соразмерным в итоге выборов 1927 г. Теперь чеченцы насчитывали 89,5% сотрудников окружных исполкомов, а коммунисты – 35,7%¹².

Крайисполком провёл обследования работы областных исполкомов автономий и дал директивы: ввести единую структуру и штатное расписание облисполкомов, снабдить инструкторов краевых

6. Дополнительное сообщение Чеченского облревкома в Северо-Кавказский исполком Советов. 31 дек. 1924 г. // ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 246. Л. 571 об.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1235. Оп. 118. Д. 5. Л. 39–40. Цит. по: [21, с. 514].

8. Информационный отчёт Чеченского областного исполнительного комитета за время с 1 окт. 1925 г. по 1 окт. 1926 г. // ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 416. Л. 18, 33.

9. Партийная работа в национальных областях Северо-Кавказского края: Резолюция краевого совещания заворгов обкомов и окружкомов ВКП(б) 6 янв. 1926 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 385. Л. 4.

10. Отчёты райисполкомов Советов Кабардино-Балкарской АО о результатах перевыборной кампании. Март – апр. 1926 г. // ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 227. Л. 45 об, 73.

11. Информационный отчёт Чеченского облисполкома Советов за период октябрь – декабрь 1925 г. и янв. – март 1926 г. // ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 416. Л. 3–3 об.

12. Информационный отчёт Чеченского облисполкома Советов за время с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. // ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 416. Л. 19, 29.

учреждений стандартной программой обследований и подобрать их квалифицированный состав; наладить регулярную связь между краевыми и низовыми учреждениями¹³.

Постепенно реформируется структура аульных и районных Советов. В их составе создаются комиссии и секции: по землеустройству, кооперированию, образованию, по устройству труда и быта женщин-горянок, содействию призыву в Красную армию и т.д. В самых крупных аулах и селениях формируются квартальные («кубовые») Советы. Реформа обеспечила более широкое вовлечение батраков, бедняков и середняков в повседневную работу Советов, позволила продвинуться вперёд по пути обеспечения равноправия женщин и бедноты. Особенные успехи в вовлечении женщин в выборы достигла Северная Осетия, где их участие в выборах местных депутатов выросло с 11 до 58,3% за 1925–1930 гг. [22, с. 219].

В феврале 1927 г. Национальная комиссия крайкома ВКП(б) предложила создать при окружных исполкомах инструкторский аппарат преимущественно из местных народов; организовать обучение русскому языку и краткосрочные курсы секретарей и других технических работников сельсоветов; проводить выездные открытые заседания президиумов и пленумов окружных и областных исполкомов в «самых глухих и отсталых районах»; разъяснить задачи секций сельсоветов и недопустимость подмены Советов сходами жителей; усилить вовлечение в низовые Советы квалифицированных работников-«националов»¹⁴. За июль – сентябрь 1927 г. предлагалось провести сокращение советского аппарата на 20%, упростить и удешевить его, преодолеть бюрократизм¹⁵.

Результаты выборов местных Советов в январе – феврале 1927 г. отразили влияние ВКП(б), что отражает таблица (см. ниже). Как указывал начальник Информационного отдела ОГПУ в записке для ЦК ВКП(б) «О политико-экономическом состоянии национальных областей Северного Кавказа» (апрель 1928 г.), «Перевыборы советов в 1927 г. выявили повышение активности масс горского населения. Впервые (местами вполне удачно) созывались собрания бедноты. Количество лишенцев возросло в 3 раза в сравнении с предыдущими выборами... Итоги перевыборов: 56% маломощного крестьянства, 28% партийцев (вместо 17% в 26 году), 12% женщин (вместо 9% в 26 г.)»¹⁶.

По докладу заворга крайкома ВКП(б) Д.А. Булатова на пленуме Национальной комиссии крайкома ВКП(б) 14 июня 1927 г., удельный вес лиц, лишённых избирательных прав, вырос во всех автономиях с 1,3% до 4,5%, в т. ч. в Адыгее – с 1,4 до 6,3%, в Черкесии – с 0,3 до 8,3%, в Северной Осетии – с 1,2 до 5,2%, в Ингушетии – с 1,8 до 6,8%, в Карачае – с 0,9 до 4,3%, в Кабардино-Балкарии – с 2,5 до 3,9%, в Чечне – с 0,6 до 2,8%. Явка на предвыборные собрания 1927 г. в автономиях превысила таковую во всём Северо-Кавказском крае (44,9% в сравнении с 30,4%), хотя немного снизилась в сравнении с 1926 г.¹⁷ Это связано с завышенным лишением избирательных прав и с тем, что выборы проводились зимой и в половине аулов – под открытым небом. Сохранялась низкая явка женщин на выборы (14,4% в сравнении с 71,6% мужчин)¹⁸. Произошло обострение борьбы между кандидатами от большевистской партии и оппозицией, возглавляемой муллами, зажиточными крестьянами и торговцами. Властям впервые удалось провести собрания бедняков, чтобы обеспечить влияние на них; составлялись указы бедняков сельсоветам. Так, в докладе обкома ВКП(б) о избирательной кампании в Адыгее сказано, что бедняки в отдельных случаях участвовали в выявлении лиц, лишаемых избирательных прав (аул Тахтамукай) [11, с. 141]. Полномочное представительство ОГПУ по краю добавляет в своём докладе, что в Адыгее количество собраний бедноты возросло в кампании 1927 г. с 23 до 85, в таких собраниях участвовало более 10500 бедняков и середняков; в 80% случаев проекты резолюций и предложения большевиков одобрялись участниками собраний. Число черкешенок, участвовавших в выборах, возросло за 1926–1927 гг. с 221 до 618 чел. [11, с. 142].

13. Краткая записка об обследовании работы аппарата облисполкомов в национальных областях. 4 янв. 1927 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 378. Л. 33–35.

14. Советское строительство в национальных областях (докладная записка). Февр. 1927 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 607. Л. 76–77.

15. Выводы и предложения по обследованию системы управления в автономных национальных областях Северо-Кавказского края. 16 июля 1927 г. // ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 409. Л. 163.

16. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 545.

17. Стенограмма пленума Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 14 июня 1927 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 8–10, 17; Резолюция «О предварительных итогах перевыборов Советов в национальных областях в 1927 г.» // Там же. Д. 606. Л. 15.

18. Резолюция «О предварительных итогах перевыборов...» Л. 14–16.

Таблица. Результаты выборов местных Советов в автономных областях Северо-Кавказского края в 1926, 1927 и 1929 гг. (в проц. от числа избирателей)

Table. The results of the elections of local councils in the autonomous regions of the North Caucasus Territory in 1926, 1927 and 1929 (as a percentage of the number of voters)

№	Автономная область	Явка		Удельный вес избирателей, лишённых прав, среди лиц старше 18 лет	
		1927 г.	1929 г.	1926 г.	1927 г.
1	Адыгее-Черкесская АО	42,0	52,6	1,4	6,3
2	Ингушская АО	63,8	85,8	1,8	6,8
3	Кабардино-Балкарская АО	52,8		2,5	3,9
4	Карачаевская АО	32,4	65,0	6,9	4,3
5	Северо-Осетинская АО	31,0	69,8	1,2	5,2
6	Черкесская АО	41,0	62,0	0,3	8,3
7	Чеченская АО	44,3	58,0	0,6	2,8

Источник: Стенограмма пленума Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 14 июня 1927 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 605. Л. 8–10, 17; [17, с. 543].

В итоге выборов 1927 г. бедняки составили 51,5% членов сельсоветов всех автономий, а середняки – 21%. Удельный вес рабочих среди членов сельсоветов колебался от 0,1% в Ингушетии и Черкесии до 7,0% в Северной Осетии (по всем автономиям – в среднем 2%). Процент батраков составил от 1,4% в Северной Осетии до 5,2% в Карачае (в среднем по автономиям – 2,9%). Удельный вес служащих – от 0,7% в Карачае и Ингушетии до 6,7% в Черкесии. Интеллигенция была слабо представлена в Чечне и Кабардино-Балкарии (по 1,5%), ее процент повышался в более урбанизированной Северной Осетии (4,2%). Прослойка коммунистов в местных Советах всех автономий выросла с 11,0 до 14,6%, комсомольцев – с 6,2 до 8,5%, а женщин – с 10,2 до 12,8%¹⁹. В Чеченской АО бедняки составили 67% депутатов, середняки – 15%, а служащие – 7%²⁰.

Показательны итоги выборов в Кабардино-Балкарской АО, поскольку они считались успешными. Явка избирателей составила 52,8% (в т. ч. сельскохозяйственных рабочих и батраков – 70,0%, кустарей и ремесленников – 79,0%, интеллигентов – 74,2%, служащих – 71,9%). Лишение избирательных прав выросло с 2,5 до 3,9%. Структура лишенцев такова: бывшие полицейские – 19,9%, торговцы – 12,0%, служители культа – 11,6%, осуждённые – 8,7%, наниматели труда – 6,1% и др.²¹ Среди членов местных Советов батраки составили 1,8%, кустари – 0,3%, интеллигенты – 1,5, служащие – 1,95, коммунисты – 19,6%, комсомолы – 6,4%. 7,7% членов аульных Советов в Кабардино-Балкарии – зажиточные крестьяне²². Успехи достигались во многом за счёт лишения избирательных прав мулл, торговцев и зажиточных земледельцев.

Национальная комиссия крайкома ВКП(б) в июне 1927 г. указала на необходимость обеспечить пропорциональное представительство народов в областных и местных Советах автономных областей²³.

19. Стенограмма пленума Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 14 июня 1927 г. ... Л. 18–20.

20. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. ... С. 555.

21. Информационная отчётность по проведению кампании перевыборов Советов в Кабардино-Балкарской АО. Март 1927 г. // ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 397. Л. 132–132 об, 137.

22. Краткий анализ проведения перевыборной кампании в сельсоветы Кабардино-Балкарской АО. До 17 февр. 1927 г. // ГАРО. Ф. 1485. Оп. 1. Д. 397. Л. 47–48.

23. О предварительных итогах перевыборов в Советы в наобластях: Резолюция пленума Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). 28 июня 1927 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 1.

В условиях социалистической реконструкции центр тяжести работы Советов в автономных областях сместился к вопросам обеспечения индустриализации и коллективизации. Первый секретарь крайкома ВКП(б) А.А. Андреев 15–16 марта 1928 г. поставил задачу очистить государственный аппарат от враждебных элементов²⁴. Пленум Национальной комиссии крайкома ВКП(б) 28 марта 1928 г. решил провести чистку низовых Советов вплоть до роспуска их части, проводя показательные суды над кулаками и их пособниками. Особое внимание уделялось замене секретарей сельсоветов – бывших писарей дореволюционных времён коммунистами и комсомольцами. Создавались группы бедноты при сельсоветах и земельных обществах, предлагалось проводить их окружные и областные конференции для обмена опытом²⁵.

Д.А. Булатов в отчёте на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) (апрель 1928 г.) предложил организовать при Советах группы бедноты, вовлекать бедняков в повседневную деятельность сельсоветов и их секций. Предлагалось выдвигать в их руководство рабочих, батраков и крестьян, проверенных в низовой деятельности. А.А. Андреев назвал главным оздоровление советского аппарата и его чистку от классово чуждых элементов²⁶. Члены Организационного бюро ЦК ВКП(б) предписали создать комиссии содействия землеустройству, собрания и конференции бедноты²⁷. Тогда же было принято решение о роспуске земельных обществ и их органов – сходов, что юридически устранило влиятельного соперника местных Советов.

ЦК ВКП(б) обязал 7 мая 1928 г.²⁸ партийную фракцию крайисполкома и отдел по работе в деревне крайкома ВКП(б) принять меры «национализации» аппарата управления, выдвигать на руководящие должности бедняков, организовать отчеты депутатов, улучшить работу секций аульных Советов и групп бедноты²⁹. Президиум крайисполкома обязал облисполкомы заменить секретарей аульных Советов – «выходцев из чуждых слоёв» новыми работниками из числа трудовых горцев³⁰.

В мае 1928 г. крайком ВКП(б) поставил задачу в итоге обследования Северо-Осетинской АО – регулярно созывать пленумы сельсоветов и их секции, соблюдать нормы лишения избирательных прав, организовать курсы подготовки низового советского актива³¹. Партийные работники (например, Д. Нагиев) предлагали меры сокращения и удешевления государственного аппарата [19, с. 29]. Позже, весной 1930 г. командир 28-й стрелковой дивизии А.Д. Козицкий советовал послать работников областных Советов и выпускников совпартшкол на работу в аулы, вовлекать жителей горных аулов в работу областного аппарата Советов, выдвигая их на ответственные посты под руководством более опытных работников; максимально учитывать местные быт и нравы [21, с. 568–569].

Выборы аульных Советов в 1929 г. укрепили партийное и комсомольское влияние в местных органах власти. Явка на выборы по всем автономиям края выросла в сравнении кампаний 1927 и 1929 гг. с 44,3 до 58,0%, в т. ч. в Северной Осетии – с 31,0 до 69,8%, в Ингушетии – с 63,8 до 85,8%, Карачае – с 32,4 до 65,0%. Явка женщин на выборы выросла во всех автономиях с 14,4 до 41,1%. В итоге удельный вес коммунистов среди депутатов аульных Советов вырос с 14,6 до 19,3%, а комсомольцев – с 8,5 до 11,2%, женщин – с 12,8 до 23,6%. При этом повысилась и доля «лишенцев»: с 4,5 до 7,2% избирателей. Состав депутатов аульных Советов обновился на 64,3% [18, с. 7–8].

С целью укрепления областного и местного государственного аппарата, повышения его лояльности краевая Рабоче-крестьянская инспекция провела чистку госслужащих в 1928–1929 гг. Всего по 6 автономным областям было уволено 230 работников руководящего состава и 620 работников

24. Стенограмма пленума Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 15–16 марта 1928 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 834. Л. 153–158.

25. Резолюция 1 пленума Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по докладу о проверке выполнения директив бюро крайкома по докладам Нацкомиссии и очередных задачах, в связи с решениями XV партсъезда. 28 марта 1928 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 658. Л. 18–21.

26. Стенограмма пленума Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 15–16 марта 1928 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 834. Л. 153.

27. Резолюция Оргбюро ЦК ВКП(б) по докладу о работе парторганизаций национальных областей Северного Кавказа. 30 апреля 1928 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 201–202.

28. Предложения бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по постановлению ЦК ВКП(б) от 7.5.28 по докладу Булатова // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 16; Основные мероприятия Крайоно по усилению общего руководства и помощи нацобластям в деле культурного строительства. 9 июня 1928 г. // Там же. Л. 15.

29. Предложения бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) ... Л. 19.

30. Постановление Президиума Северо-Кавказского крайисполкома о порядке и сроках проведения мероприятий по усилению экономического, социально-культурного и советского строительства национальных областей. До 8 июня 1928 г. // ГАРО. Ф. Р-2443. Оп. 2. Л. 2 об.

31. Проект предложений Оргсовещания Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по докладу Северо-Осетинского обкома и докладу инструктора крайкома о проверке выполнения директив крайкома. До 1 июля 1928 г. // ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 828. Л. 28–31.

административно-технического состава Советов. Анализ причин увольнения показывает, что преобладали бывшие белые офицеры (344 чел.), 264 «связанных с чуждыми элементами», 260 предпринимателей и купцов, 103 бюрократа, 68 взяточников и воров и т.д. (по некоторым персонажам указано несколько причин увольнения) [18, с. 7–8]. В то же время, руководитель комиссии по обследованию автономных областей Д. Нагиев резонно отмечал, что к замене руководителей «надо подходить сугубо осторожно», чтобы чистка не ухудшила качество работы. Ответственные работники, которые знают местные условия и языки, должны иметь одинаковые права с «националами» [19, с. 35].

Краевая контрольная комиссия указывала на необходимость усиления работы Советов среди «батрачко-бедняцких и середняцких масс», что и было обеспечено в итоге коллективизации. Взамен было выдвинуто на работу в местных Советах до 200 представителей народов Северного Кавказа, в основном – бедняков и батраков, по «классовому принципу». Для этого потребовалось подготовить для аульного и окружного аппарата управления 855 чел., а для областного уровня – 3632 чел., включая аппарат судебных органов. Предполагалось завершить коренизацию советского аппарата за 3 года, потратив на эти цели 4678,3 тыс. руб. и достигнув уровня 50% представителей коренных народов в оплачиваемом аппарате Советов [19, с. 8–9; 20, с. 14]. Это было трудной задачей, так как, по подсчётам Д. Нагиева, «националы» составляли не больше 45,3% работников Советов в автономиях и не больше 29,8% секретарей аульных Советов [19, с. 32–34]. Устанавливались различные сроки коренизации Советов в автономиях: для Адыгеи и Северной Осетии – к октябрю 1929 г., для Кабардино-Балкарии и Чечни – к октябрю 1930 г., Ингушетии и Карачая – к октябрю 1931 г. По данным журнала «Революция и горец», к началу 1930 г. в рабфаках края обучалось около 1 тыс. представителей автономий, в т. ч. 169 осетин, 85 ингушей, 29 чеченцев и др. Основная их часть была сосредоточена в рабфаках Владикавказа (314 чел.), Ростова-на-Дону (183 чел.), Краснодара (110 чел.) и Грозного (97 чел.). Обучение в подготовительной группе велось полностью на родных языках, а в основных группах – частично на родных языках³². Были организованы постоянные годовичные курсы для обучения работников аульных и окружных Советов.

Заключение

Советы в автономных областях Северо-Кавказского края к началу периода 1924–1929 гг. оставались недостаточно эффективными в силу своего кадрового состава, уровня полномочий и материальной базы. Переход от назначаемых революционных комитетов к выборным Советам совершался в автономиях Северного Кавказа постепенно, с 1921 по 1924 гг. (быстрее в Северной Осетии и Адыгее, медленнее – в Чечне). Установлена организационная и кадровая слабость аульных и районных Советов к середине 1920-х гг. Председателями и секретарями сельсоветов часто становились нежелательные для Коммунистической партии лица – чиновники царского времени, священнослужители, нелояльная интеллигенция. Местные (аульные и районные) Советы зачастую уступали по политическому влиянию исламскому духовенству, советам старейшин и общим сходам населения. Сельские сходы подменяли собой аульные Советы, зачастую принимали решения по воле зажиточных слоёв. На уровне местного управления существовали практики «двоевластия». Поэтому политика «оживления Советов» (1924–1929 гг.) в автономиях Северного Кавказа имела специфические задачи: организационное и финансовое укрепление местных Советов; перевод делопроизводства на региональные языки и ликвидацию неграмотности депутатов; обеспечение политически лояльного ядра сотрудников Советов из числа батраков и бедняков, рабочих; устранение политического влияния сельских сходов и зажиточных слоёв общества. В итоге реформы удалось повысить удельный вес коммунистов и комсомольцев, бедняков и батраков, женщин в составе местных Советов. Была создана система повышения квалификации местных депутатов в рабфаках и советско-партийных школах. Делопроизводство аульных и районных Советов постепенно переводилось с русского на региональные языки. В условиях коллективизации приоритеты работы местных Советов изменились от политической самоорганизации населения, выражения его запросов ко всемерной поддержке реконструкции экономики на плановых началах. Переход от НЭПа к коллективизации

32. К перестройке национальных отделений рабфаков Северо-Кавказского края // Революция и горец. 1930. № 2. С. 97–98.

качественно изменил функции местных Советов, сделав первоочередной задачу руководства модернизацией хозяйства.

Проведённое нами исследование вносит вклад в совершенствование представлений о формировании и развитии местных органов власти в автономиях Северного Кавказа в раннесоветский период истории. Материалы и выводы исследования полезны для сравнительного анализа органов государственной власти в различных регионах Советской России, а также представляют интерес для сравнительного исследования модернизации государственной власти в странах Востока XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. М.: Наука, 1995. – 231 с.
2. Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. – 399 с.
3. Мамси́ров Х.Б., Лаврова Н.С. Политика коренизации на Северном Кавказе в 1920–1930-х годах в зеркале архивных документов: цели и результаты // Кавказология. 2018. № 4. С. 92–130.
4. Туфанов Е.В. К вопросу функционирования системы партийно-государственного управления в период проведения коллективизации в Северо-Кавказском крае // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 3. С. 102–108.
5. Аверьянов А.В., Батыров А.Е. Особенности формирования и коренизации государственного аппарата в контексте национального строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2021. Т. 12. Вып. 10 (108). URL: <https://history.jes.su/s207987840017056-0-1/>.
6. Кринко Е.Ф. Советская национальная политика и национально-государственные преобразования на Кавказе в оценках современной историографии // Советская национальная политика. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2023. С. 71–93.
7. Бадаева Е.Н. Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930 гг. // Oriental Studies. Элиста, 2018. № 11 (4). С. 11–23.
8. Эльбиздукаева Т.У., Мадаев М.Х. Политические, социально-экономические и культурные аспекты развития Чеченской автономной области // Национально-государственное строительство в Чеченской Республике: история и современность. Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2022. С. 253–259.
9. Арапханова Л.Я. Национальные автономии на Северном Кавказе: опыт становления Ингушской автономной области // Вестник Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2024. № 1. С. 21–28.
10. Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...» 1920–1960-е годы. Москва: ООО «Аквариус», 2015. – 416 с.
11. Яхутль Ю.А., Касьянов В.В., Брантов А.И. Национально-государственное строительство Адыгеи. 1920–1930-е гг.: документы и материалы. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – 267 с.
12. Martin T.D. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001. – 528 p.
13. Easter G.M. Personal Networks and Postrevolutionary State Building: Soviet Russia Reexamined // World Politics. 1996. Vol. 48, Issue 4. P. 551–578.
14. Marshall A. The Caucasus Under Soviet Rule. London; N.Y.: Routledge, 2010. – 400 p.
15. Perovic J. From Conquest to Deportation: The North Caucasus under Russian Rule. London; N.Y.: Hurst; Oxford University Press, 2018. – 456 p.

REFERENCES

1. Gimpelson EG. Formation of the Soviet political system, 1917–1923. Moscow: Nauka, 1995. (In Russ)
2. Karpov YuYu. The national policy of the Soviet state on the North Caucasus periphery in the 20–30s of the 20th century. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017. (In Russ)
3. Mamsirov HB., Lavrova NS. The policy of rooting in the North Caucasus in the 1920–1930s in the mirror of archival documents: goals and results. *Kavkazologiya*. 2018; 4: 92–130. (In Russ)
4. Tufanov EV. To the functioning of the system of party and state management during the period of collectivization in the North Caucasus Territory. *Humanitarian and legal studies*. 2020; 3: 102–108. (In Russ)
5. Averyanov AV., Batyrov AE. Features of the formation and indigenization of the state apparatus in the context of national construction in the North Caucasus in the 1920–1930s. *Istoriya*. 2021, 12(10). URL: <https://history.jes.su/s207987840017056-0-1/>. (In Russ)
6. Krinko EF. Soviet national policy and national-state transformations in the Caucasus in assessments of modern historiography. *Soviet National Policy*. Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 2023: 71–93. (In Russ)
7. Badmaeva EN. Historical experience in the formation of governing bodies and pursuing a policy of rooting in the national autonomies of the South of Russia in 1920–1930. *Oriental Studies*. Elista, 2018; 11(4): 11–23. (In Russ)
8. Elbizdukaeva TU., Madaev MKh. The political, socio-economic and cultural aspects of the development of the Chechen Autonomous Region. *National-state construction in the Chechen Republic: history and modernity*. Grozny: Chechen State University, 2022: 253–259. (In Russ)
9. Arapkhonova LYa. National autonomies in the North Caucasus: experience in the formation of the Ingush Autonomous Region. *Bulletin of the Ingush Research Institute of Humanities*. 2024; 1: 21–28. (In Russ)
10. Bugay NF., Mamaev MI. *Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic: "Salvation in unity and hope ..."* 1920–1960s. Moscow: LLC Aquarius, 2015. (In Russ)
11. Yakhutl YuA., Kasyanov VV., Brantov AI. *National-state construction of Adygea. 1920–1930s: Documents and materials*. Krasnodar: Kuban State University, 2022. (In Russ)
12. Martin TD. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.
13. Easter GM. Personal Networks and Postrevolutionary State Building: Soviet Russia Reexamined. *World Politics*. 1996; 48(4): 551–578.
14. Marshall A. *The Caucasus Under Soviet Rule*. London; N.Y.: Routledge, 2010.
15. Perovic J. *From Conquest to Deportation: The North Caucasus Under Russian Rule*. London; N.Y.: Hurst; Oxford University Press, 2018.
16. Smith J. *The Soviet Caucasus, 1920–91. Resistance and Accommodation*. London: Routledge, 2020.

16. Smith J. The Soviet Caucasus, 1920–91. Resistance and accommodation. London: Routledge, 2020. – 18 p.
17. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. Т. 9. М., 1928.
18. Иванов К., Ковалёв И. Некоторые итоги национальной политики на Северном Кавказе // Северо-Кавказский край. Ростов н/Д, 1929. № 5–6. С. 1–11;
19. Нагиев Д. Задачи коренизации советского аппарата в национальных областях Северо-Кавказского края // Революция и горец. Ростов н/Д, 1929. № 1–2. С. 29–37;
20. Белячков П. Очередные задачи советского строительства в национальных областях края // Революция и горец. Ростов н/Д, 1928. № 2. С. 9–15.
21. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало – середина XX в.) / авт. кол.: В.А. Козлов (рук.) и др. М., 2011.
22. История Северной Осетии: XX век / редкол.: А.С. Дзасохов (гл. ред.) и др. М.: Наука, 2003. – 632 с.
17. All-Union census of the population of 1926. The final results. Moscow, 1928. (In Russ)
18. Ivanov K., Kovalev I. Some results of national policy in the North Caucasus. *Severo-Kavkazskiy Krai*. Rostov-on-Don, 1929; 5-6: 1-11. (In Russ)
19. Nagiyev D. The tasks of rooting the Soviet apparatus in the national regions of the North Caucasus Territory. *Revolutsiya I Gorets*. Rostov-on-Don, 1929; 1-2: 29-37. (In Russ)
20. Belyachkov P. The next tasks of Soviet construction in the national regions of the region. *Revolutsiya I Gorets*. Rostov-on-Don, 1928; 2: 9-15. (In Russ)
21. Kozlov V.A., et al. *Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the domestic policy of Russia and the USSR (beginning is the middle of the twentieth century)*. Moscow, 2011. (In Russ)
22. Dzasokhov A.S., et al (eds.). *History of North Ossetia: 20th century*. Moscow: Nauka, 2003. (In Russ)

Поступила в редакцию 05.09.2024 г.
Принята в печать 11.11.2024 г.
Опубликована 15.06.2025 г.

Received 05.09.2024
Accepted 11.11.2024
Published 15.06.2025